

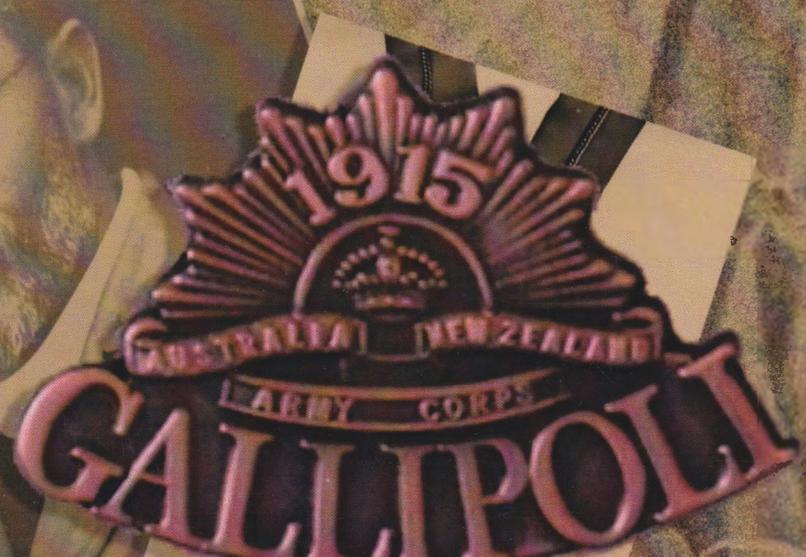
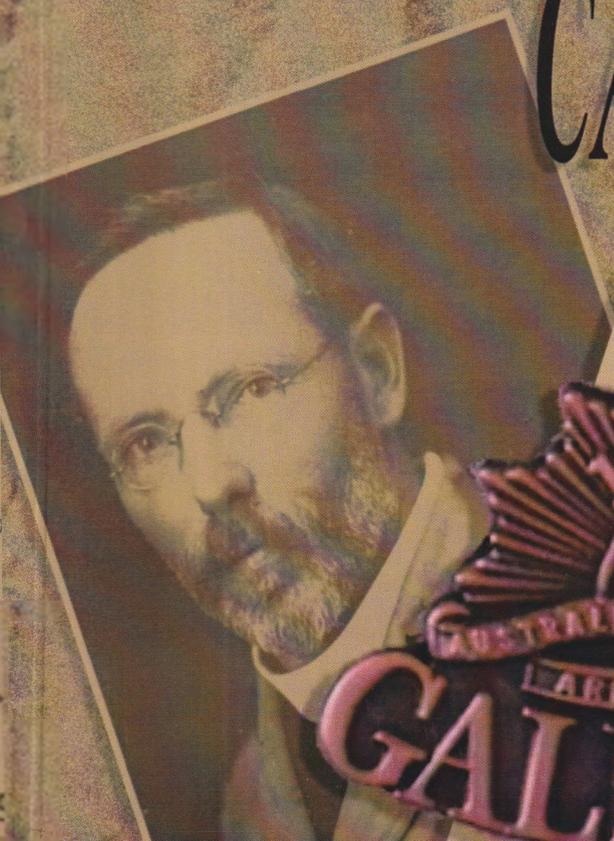

Anthology

SALUTE TO ANZACS!

Антология

САЛЮТ АНЗАКАМ!

Russian ANZACs and ANZAC legends.

Lecture by Dr Elena Govor.

Dr Elena Govor is an Australian writer and historian, born in Minsk, Belarus.

She specialises in the history of Russian-Australian contacts. In 1990 she came to Australia, the country of her childhood dreams, and now lives in Canberra, where she received her Doctorate in History from the Australian National University in 1996. She has been widely published widely in Russia and Australia. Among her books are "*Australia in the Russian Mirror: Changing Perceptions, 1770-1919*" (1997), "*My Dark Brother: The story of Ilin's, a Russian-Aboriginal Family*" (2000), "*Russian ANZACs in Australian History*" (2005), "*Russian Sailors and Travellers in Australia: Documents, Letters, Memoirs*" (2007) and "*12 Days at Nuku Hiva: Russian Encounters and Munity in the South Pacific*" (2010).

Currently, she exploring the history of Russians travellers in the South Pacific and working on the tragic story of her family's experience of Revolution, Stalinist repression and War

When we lived in the Soviet Union, in Russia, we did not know about Anzac Day, moreover, we knew very little about the Great War, which in the official Soviet history was labelled as an imperialist war, from which Russia withdrew after its Bolshevik revolution. Quite naturally the memory of it was overshadowed by the following revolutionary struggle, civil war, and the horrendous Stalinist genocide during the so-called Purges. But we had our Great War too; it was the Great Patriotic War, the Russian term for their part in the Second World War. And we had our own great day similar to Anzac Day: Victory Day, the 9th of May, when the Soviet Union, with the loss of 27 million lives, triumphed over Fascist Germany.

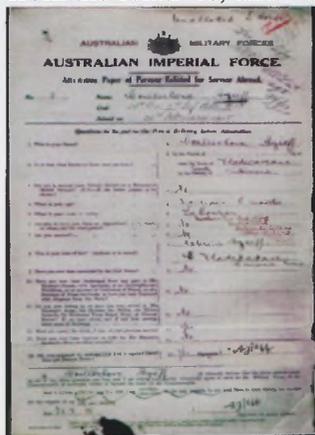
Living in Australia I began to understand how similar and how different such days could be in the national psyche. For Russians, Victory Day is foremost a day of triumph, glory and military might, and many Russians aspire to preserve unchanged this legend about their glorious past, handed down to them by their Motherland. For Australians, Anzacs Day, which in fact was the beginning of the most tragic and senseless defeat in the country's military history, is a celebration of brotherhood and the unity of the young Australian nation. It is part of the Australian legend too, but as this nation grows, each new generation of Australians invests into this legend its own understanding of the past, creating an amazing equilibrium when we learn to reconcile the spirit of the legend and the new facts of history.

My book *Russian Anzacs in Australian History* is part of this new trend of reassessing our past. Ever since Charles Bean's official history of the Great War, it was assumed that the ethnically Australian army was almost exclusively Anglo-Celtic, British. Not surprisingly, the immigrants who settled in Australia later and currently comprise a quarter of its population felt themselves alienated when Australians celebrated their Anzac Day. It was not their war. But times have changed. With the support of the National Archives of Australia, I dared to confront this aspect of the Anzac legend. It took me two years to study thousands of archival files, and, with statistics in hand, I was able to prove that about one thousand Australian Anzacs were born in the Russian Empire. Moreover, the former Russian subjects constituted the largest national group in the AIF of non Anglo-Celtic origin.

Country of origin	Number of servicemen	Number of residents in Australia (1911)	Servicemen as proportion of overseas-born residents (%)
New Zealand	4237	32,130	13.19%
Russia	966	4,507	21.45%
Canada	723	3,101	23.32%
South Africa	628	3,919	16.02%
India	620	6,700	9.25%
USA	599	6,703	8.94%
Denmark	459	5,729	8.01%
Sweden	387	5,628	6.88%
Norway	284	3,479	8.16%
France	169	2,902	5.82%
Italy	151	6,773	2.23%
The Netherlands	103	751	13.72%
Malta	93	251	37.05%

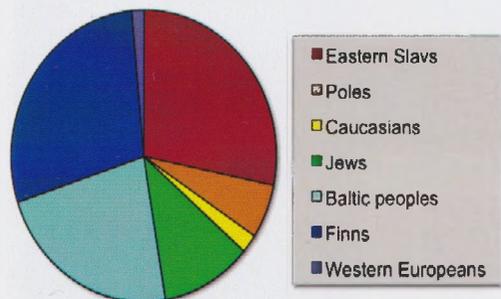
1. Birthplaces of overseas-born servicemen in the 1st AIF.

The Australian archives provided a rich field for my research; they had service records for each serviceman, containing detailed information about the place of birth, citizenship, next of kin, and religious denomination. These files also listed all army transfers, awards, letters from the relatives, and - after the war - letters of the serviceman and his descendants, which

often allowed me to trace the path of their lives. In some cases these service records were supplemented with court martial files, for those who got into trouble, and Red Cross dossiers for those missing in action or captured as prisoners of war. The former would contain letters of their mates, the latter letters of the prisoners. Besides this, for many Russians, the archives had their naturalisation or alien registration dossiers and, in some cases, records of the Australian secret service. Now all these files are being digitized by the National Archives of Australia and the Australian War Memorial and are available for viewing online. And finally, one more recent online resource are digitised Australian newspapers, which allow further insights into the lives of many Anzacs.

2. Service records for Coultchuk Azieff, an Ossetian from Humalag, village in the Caucasus, who fell on the Western Front in 1916

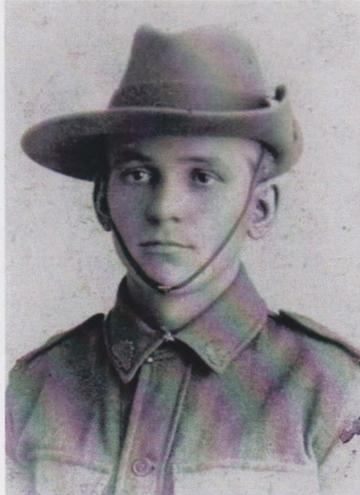
3. Ethnic composition of Russian Anzacs

Perhaps the expression Russian Anzacs, which I use as an umbrella term for the thousand Russian born servicemen in the Australian Army, needs some clarification. The Russian Empire was a multinational country where ethnic Russians comprised only half of the population, and

among the emigrants who landed in Australia by the beginning of the war, we can count about two dozen different ethnic groups. The composition of the Russian Anzacs reflected this diversity: many of our Anzacs were not ethnically Russian, moreover some of them fled their native land because of ethnic or religious persecutions by the Russian state. Ironically, in the eyes of the Australian state and people, they were considered 'Russian' in spite of their ethnic

differences, and my task was to determine the original ethnic origin and self-identification of these Russian Anzacs.

4. *William Averkoff*

They were different, and different ways brought them to Australia on the eve of the war. A significant group among our Anzacs, about one third of them, were seamen of different sorts. We find them mostly among the Latvians, Estonians, and Finns, who often left home in their youth to work the seas. I must say that service records allow us to uncover the seafaring past of a person through the detailed descriptions of their tattoos, which were painstakingly described in their enlistment documents. But the most significant group among the Russians were labourers, many of them part of a wave of immigrants pouring into Australia from the Far East. Most of them came here to earn a bit of money rather than to settle on the land, but the war did not allow them to return home.

It would be tempting to assume that this mass Russian enlistment in the AIF, a volunteer army, could be explained by the Russians feeling 'patriotic' towards their adopted country. That would mean, if true, having to reassess the traditional view of these early Russian immigrants as 'radicals'. In reality, the causes of Russian enlistment were diverse – as diverse as the 'Russians' themselves were – though feelings of duty towards Australia were indeed not uncommon among them, notwithstanding the influence of the radicals. Among those young men who had come to Australia from Russia as children in the years before the war, a feeling of duty had developed – towards Australia, their new home – intertwined, perhaps, with a spirit of adventure.

For instance, William George Averkoff added two years onto his real age of 18 years, and joined up, despite having just become the family breadwinner. The sons of several other Russians with whom I spoke proudly remember their fathers' commitment to Australia.

'When World War I broke out', Justin Gooliaeff's son George relates, 'he decided to join the 1st AIF: his idea was that if a country was worth living in it was worth fighting for.'

Nevertheless, the majority of Russians enlisted for pragmatic reasons: seamen, for instance, stranded here after the outbreak of war, joined out of necessity, this happened for instance with Basil Greshner and Favst Leoshkevitch after they jumped their ship in Geelong. The Russian consulate – and especially Alexander Abaza, the consul-general, based in Melbourne – played an important role in the mass enlistment of Russians in the AIF. At the end of 1915 Abaza passed on to the Australian Ministry of Defence the czar's order for all Russian reservists 'between ages of 21 and 38 years to immediately rejoin the colours', and those who were unable to return to Russia from abroad were, 'required to join the ranks of the armies of the Allied Nations'. Australia was just as keen to get the Russians to join up. In October 1915 the Australian Department of External Affairs decided, as a measure to compel the Russians to join the army, that no Russian aged between 18 and 50 would be granted naturalisation. This denial of naturalisation

5. *Justin Gooliaeff*

significantly affected Russian immigrants and had the effect of fostering increased suspicion of them as non-naturalised aliens, and it was harder and harder for them to get any employment, while in the Army they could enlist without any naturalisation, a statement that they were 'Russian' was enough. Ironically, a number of Germans born in Russia joined the AIF as Russians and hardly had any troubles on the account of their origin. Russians in the Australian army were so numerous that Russian Jewish Anzac Haim Platkin even negotiated with the Australian authorities about establishing a special Russian unit in the AIF, and although this plan did not eventuate, each battalion had between half a dozen and two dozen Russian-born servicemen. Ethnic Russians were especially numerous in Queensland infantry battalions, Ossetians - in South Australian battalions, Jews - in the Melbourne detachments. While in 1912 the Russians complained on the pages of the *Echo of Australia* that they live besides Australians without mixing with them, now, departing for the front in the AIF, they found themselves in the midst of Australians. But although they wore the Australian uniform, the Russians did not become Australians overnight. The process of adjustment was long and painful, but finally some of them won the right to be named 'mate'. One of the stumbling blocks here was the lack of English, which Russians often had to pick up already in the trenches from their new comrades. But the greatest force behind this newfound mateship were the dangers and joys of shared combat operations, and the first of these was the Gallipoli battle.

There were about one hundred and fifty Russian Anzacs in the Gallipoli battle alone. The iconic painting by Ellis Silas, "Roll call", captures a glimpse of an army unit after bloody fighting for Queen's Post on the 9th of May, soon after the landing. Name after name is called; the reply a deep silence. The prototype of the commander conducting this roll call was the Gallipoli comrade of Silas - Lazar Margolin from Belgorod in Russia, the commander of the 16th West Australian battalion.

6. Ellis Silas 'Roll call'

In spite of his Russian accent, soldiers loved him as their own father and nicknamed him 'Old Mardgi'. In passing it may be noted that the official Australian Army artist George Lambert was born in Russia as well, although he never had Russian citizenship.

One of the Russian Gallipoli heroes was William Deonck from Belarus, and his original name remains a mystery. He

landed at Gallipoli in August 1915 with the 17th Battalion and was one of the last to leave when the peninsula was evacuated. He was awarded the Military Medal for his bravery there.

His commander, Lieutenant-Colonel E.T. Martin, wrote in his recommendation for the award, 'As a bomber on Quinn's Post, where bombing was exceptionally heavy, he proved himself reliable, keen and energetic. His demeanour among his comrades is invaluable owing to his cheerful disposition under the most adverse circumstances.'— for Russians, about whom military command seldom had a kind word to say, this was unusual praise.

A major stumbling block for the Russians was their lack of English and, as I was reading Lieutenant-Colonel Martin's words to Dorothy, his daughter, I asked her about her father's

lack of English. She replied, 'It would not worry him. He spoke in a broken English but he could mix with anybody, he had that sort of personality.'

But the story of the Russian Anzacs involved not only those who fit well into the legendary fighting brotherhood of Australian Anzacs. My focus was not only on the heroes, but also those whose service went badly or even tragically – those who refused to fight, were expelled from the army, convicted by court-martial, came under suspicion 'on account of Russian nationality', became insane or committed suicide - and they were many. Among them, for example, is the story of Alfred Markowicz. He was Polish, a worldly, well-educated man. In the chaos during the first days after landing his knowledge of languages, his courage and initiative helped him to prevent the loss of many lives and saved many from capture by the advancing Turks. But, instead of being awarded, he was detained and deported in Australia; interrogation by Intelligence officers there did not reveal anything, nevertheless he was discharged for 'Disciplinary reasons' — words which, in his personal service-record file, are followed by a pencilled annotation 'No Crime. Doubtful name'. The stain of this episode blighted Markowicz's life. Later, as a member of the RSL, he fought for servicemen's rights, disclosing corruption among military bureaucrats, and his opponents dragged up the circumstances of his discharge. This ungrounded suspicion ruined his life and he finally committed suicide in 1935 in Sydney.

The army service of Peter Chirvin from Sakhalin seems to be lucky; he fought at Gallipoli and on the Western front for four years, being wounded twice. Risking his life, he carried the wounded from the battlefield, for which he was awarded the Military Medal. He returned to Australia aboard troopship *Anchises* in 1919 soon after the so called Red Flag riots in Brisbane, and soldiers aboard the ship started heckling him on account of his nationality, abusing him as a dreaded 'Bolshie'. The commanding officers knew about this but did not interfere, considering that this was 'the usual teasing that most foreigners got', and Chirvin was driven to suicide aboard the ship. His widowed mother in Sakhalin never learned the cause of his death. All she got from the Australian authorities was his Military Medal...

These Russian Anzacs, whose fate does not fit the Anzac legend, can now also be part of the modern, multidimensional, multiethnic Australian military history.

The walls of the Australian War Memorial in Canberra honour the names of each Anzac and there are 160 natives of Russia on its walls, one of every five of those on the battlefield perished. But my quest was also about the living, about those Anzacs who returned to Australia to become Australians. And here along with archival documents, I relied on the memories and tales of their children, grandchildren and, now, great grandchildren. It was not so much about finding the "facts" that I wanted to speak with them, but to understand how events of the past live in popular memory. For instance, some descendants of our Anzacs believe that they fled to Australia from the Bolsheviks, although the Bolsheviks came to power in Russia much later. But this tells us about how it was for them to live in Australia, being natives of the dreaded Bolshevik Russia. Many of them choose another option - silence. They did not want to tell their children either about the war, nor about their past in Russia. Many of these descendants are often unaware that their "Russian" grandfather was in fact Ossetian or Ukrainian. They did not retain their ethnic culture in the modern sense of the word, they did not teach their children Finnish, Russian or Latvian. Many of them were indifferent to religion, they did not unite around churches, as the following waves of Russian immigrants did. They did not build a Russian or Estonian church in Australia. But speaking with their children and grandchildren, I realized that they were building a temple in the hearts of people surrounding them, and this was no less important. Australians learnt from them that people could be Anzacs but speak English with an accent, that people could be Russian, but

not Bolsheviks, that people can believe in Socialist ideals and still be good mates. They, this thousand Russian Anzacs, became those bricks which served as the foundation for modern Australian multiculturalism, inclusivity, openness. As for their lost language and culture – they are not lost. Now their children and grandchildren aim to learn about their origins, to reunite with their lost heritage, some of them are even learning Russian. I managed to reunite several Australian families with the Russian relatives from whom they were separated almost a century ago. One of these stories was the Egoroff family. Alexander Egoroff left his native Bestuzhevo in Central Russia in 1909 and came to Australia in search of a better life. He joined the army and his granddaughter Barbara remembers that during the Somme winter of 1916–17: ‘He said that he had to sleep outside the trench as the Australian soldiers told him there was not enough room for him in the trench. So he covered himself with the blankets and

slept outside the trench. It was snowing and his hands were stiff when he woke up.’ And she adds circumspectly, ‘It could have been because he was Russian, but we do not really know’.

7. Alexander Egoroff's children at the reserve where their father once toiled the Australian land

Yet, after the war he had a special day once a year — Anzac Day. Even when, in the 1930s, he was making his living at Plumpton as a gardener and raising his ten children by himself while his wife was in hospital, every year on that day he would put on his best suit and head into Sydney for the reunion of his 17th Battalion. He bore no grudges. The men he, as a stretcher-bearer, had carried off the battlefields recognised him and showed their appreciation, even if sometimes he himself could not remember their faces. And, together, they sealed their comradeship with a drink. So, the Anzac mateship did take root, although with some delay. He died in 1940, while three of his children were serving in the Army in the Second World War. Inspired by their aspiration to find their Russian family, I helped them to contact Bestuzhevo and the miracle happened: we found the family of Alexander’s Russian brother in Moscow and soon both families had a reunion in the Blue Mountains. And translating for them a video about the humble village of Bestuzhevo in far away Russia, I felt how important for them was this rediscovery of their Russian heritage, which they missed for decades. The location of the Egoroff farm has been transformed now into the Alexander Egoroff Reserve, with a memorial plaque dedicated to the Russian Anzacs.

My study of the history of Russian Anzacs continues after the publication of the book. A constantly updated website <http://russiananzacs.elena.id.au/> has a page dedicated to every Russian born Anzac, with biographical information and links to digitized archival documents, newspaper articles and photographs. It helps Russian and Australian families to find each other and easily access the original documents, which chronicle the thorny path of the heroic generation of the Russian Anzacs.

Российские АНЗАКи.

др. Елена Говор.

Каждый год 25 апреля по всей Австралии отмечается один из самых священных для австралийцев праздников – День АНЗАКа. В этот день в 1915-м году части австралийско-новозеландского армейского корпуса (АНЗАК), вместе с другими войсками союзников, высадились под шквальным огнем турецкой армии на гористые берега полуострова Галлиполи у пролива Дарданеллы. Высадка в Галлиполи – по существу один из самых трагических дней в истории Австралии – в самосознании австралийцев заняла особое место. Тогда же начала слагаться «легенда АНЗАКов», воспевающая единство, стойкость и братство молодой австралийской нации. По мере того, как эта нация взрослеет, каждое новое поколение австралийцев вкладывает в эту легенду свое понимание, осмысляет ее по-новому; это удивительная попытка соединить легенду со все новыми и новыми фактами подлинной истории. И когда ныне молодые австралийцы совершают паломничество на берега Галлиполи, для них это повод задуматься об очень важных вопросах нашего прошлого и настоящего.

Появление моей книги «Российские АНЗАКи в австралийской истории» - часть тенденции нового осмысления событий далекого прошлого. Еще со времен официальной истории Чарльза Бина было принято считать, что в годы Великой войны, а так на Западе называют Первую мировую войну, этнически австралийская армия была почти исключительно англо-кельтской, британской. Традиционно считается, что австралийский мультикультурализм начался гораздо позже, после Второй мировой войны, когда Австралия распахнула свои двери перемещенным лицам из Европы. В действительности массовая иноэтническая иммиграция в Австралию началась как раз накануне Первой мировой войны. Просмотрев тысячи архивных дел, со статистикой в руках мне удалось доказать, что около тысячи австралийских АНЗАКов были уроженцами Российской империи. В то время как Австралийская армия насчитывала немногим более трехсот тысяч человек, это не мало, к тому же в Австралийской армии бывшие русские подданные составляли самую большую национальную группу не англо-кельтского происхождения.

1. Военнослужащие Австралийской армии, родившиеся за пределами Австралии.

Источниками исследования послужили богатейшие собрания австралийских архивов. На каждого военнослужащего в Австралийской армии заводилось личное дело, содержащее детальные сведения о месте рождения, подданстве, ближайших родственниках, религиозной принадлежности.

2. Служебное досье Кульчука Азиева, осетина из Хумалага, погибшего на Западном фронте в 1916-м году.

В этом же деле содержалась информация о служебных перемещениях и наградах, запросы родственников, а после войны – и самого военнослужащего и его потомков, что часто дает возможность проследить всю его жизнь. Из других архивных документов можно отметить такой ценный источник как дела военно-полевых судов, в документах которых личность россиянина попавшего в передел, часто раскрывается в полной мере. Интересны и досье Красного Креста с материалами опросов сослуживцев об их русских товарищах, пропавших без вести, или с письмами военнопленных россиян. Ныне все эти досье оцифрованы Национальным архивом Австралии и Австралийским военным мемориалом и доступны для просмотра на их сайтах. В

последнее время к этому массиву информации прибавились оцифрованные австралийские газеты на сайте Национальной библиотеки Австралии.

Надо, пожалуй, сделать пояснение о термине русские или российские АНЗАКи. Российская империя была многонациональной страной, в которой русские составляли всего половину населения, и среди россиян, оказавшихся в Австралии к началу войны, можно насчитать около двух десятков этносов, соответственным был и этнический состав российских АНЗАКов.

Рис. 3. Этническое происхождение российских анзаков

Многие из них не были этнически русскими и, более того, часто покидали свои родные края из-за религиозного и этнического преследования, которому они подвергались в Российской империи. Евреи, например, бежали от погромов. По иронии судьбы, оказавшись в Австралии, они в глазах австралийских властей и широких кругов населения оказывались «русскими» и одной из задач моего исследования было выяснить этническое происхождение и этнокультурную самоидентификацию каждого из этих русских анзаков.

Наши АНЗАКи были различны, как были различны и пути, которые привели их в Австралию. Значительный процент финнов, латышей и эстонцев среди россиян объяснялся повышенной мобильностью уроженцев этих мест, которые часто еще в юности покидали Российскую Империю в качестве моряков; а «вычислить» морское прошлое АНЗАКа позволяют детальные описания его татуировки в тех же служебных досье. Но самую значительную группу среди россиян составляли разнорабочие, многие из них были частью волны эмигрантов, хлынувших в Австралию накануне Первой мировой войны с Дальнего Востока. Большинство из них ехали сюда на заработки, но начавшаяся война не позволила им вернуться на Родину. В Австралии они в основном работали в шахтах, на постройке железных дорог, грузчиками в порту, в сезон рубили сахарный тростник на севере Квинсленда. Процент фермеров, ремесленников и лиц интеллигентных профессий был очень небольшим, что отчасти объяснялось особенностями рынка рабочей силы в Австралии в то время.

Анализ служебных досье АНЗАКов позволяет сказать, что революционный характер ранней русской эмиграции в Австралии, который стал притчей во языцех в работах и русских, и австралийских исследователей, был явно преувеличен. Большинство россиян составляли отнюдь не профессиональные революционеры, а рядовые эмигранты и моряки. Конечно, многих из них подтолкнула к эмиграции неудовлетворенность состоянием дел в России, будь то условия службы в армии или еврейские погромы. В Австралии не было обязательного призыва на военную службу, тем не менее, по моей оценке, в армию вступил каждый пятый россиянин из числа находившихся в Австралии, или каждый третий-четвертый мужчина призывного возраста, в то время как в целом по стране в армию вступило около 10 процентов жителей. В объяснении этого феномена нельзя, конечно, исключить патриотизм по отношению к стране, ставшей их домом. Это было причиной вступления в армию ряда евреев, которые, в отличие от русских, не питали надежд на возвращение в Россию. Захватил этот патриотизм и молодых русских, например, 17-летнего Уильяма Аверкова, приехавшего в Австралию с родителями еще ребенком. Здесь, после гибели отца в результате несчастного случая, он стал главным кормильцем большой семьи, в которой было еще пятеро младших детей. Но ничто не могло удержать его от вступления в армию, и накинув себе два года, он отправился на фронт. Сыновья других АНЗАКов, с гордостью говорили мне о патриотизме их отцов. «Он вступил в

Австралийскую армию, потому что считал, что если страна стоит того, чтобы в ней поселиться, то она стоит и того, чтобы за нее сражаться» - убежден, например, Джордж, сын Устина Гуляева.

4. Уильям Аверков.

5. Устин Гуляев.

Но главными факторами массового вступления в армию были причины экономического и политического характера – безработица, приостановление натурализации россиян австралийскими властями и давление русского консула Александра Абазы, который заявил австралийским властям, что все уроженцы Российской Империи призывного возраста и даже их взрослые дети обязаны вступить в армию, и добился разрешения на зачисление их в Австралийскую армию без натурализации. Австралийские власти позже проявили инициативу – в октябре 1915-го года Министерство иностранных дел объявило, что они прекращают натурализацию россиян в возрасте от 18 до 50 лет для того, чтобы заставить их вступать в армию. Запрет на натурализацию тяжело ударил по россиянам в Австралии: без нее они не могли, например, вступить во владение участком земли; теперь все они должны были регистрироваться в полиции как иностранцы, получать там разрешение на переезд на новое место, а с 1918-го года им вообще запретили выезд из страны. Но, самое главное, подозрительное отношение к ним росло, им все труднее становилось находить работу. А вот в армию их брали без всяких документов и натурализации, достаточно было просто заявить, что ты – русский. По иронии судьбы, именно это и сделали многие российские немцы, вступавшие в Австралийскую армию как русские. Надо сказать, что воевали эти немцы на совесть и многие из них сложили головы за Австралию.

Россиян в Австралийской армии было так много, что Хаим Платкин даже вел с австралийскими властями переговоры о создании русского подразделения в австралийской армии, однако этот план не увенчался успехом, и россияне небольшими группами были разбросаны во всех армейских подразделениях. Русских было особенно много в квинслендских пехотных батальонах, осетин – в южно-австралийских, евреев – в мельбурнских. Если в 1912-м году русские на страницах «Эха Австралии», газеты издававшейся в Брисбене, жаловались, что хотя они и живут рядом с австралийцами, они никак с ними не смешиваются, теперь, вступив в армию, они оказались в самой гуще австралийского народа. Но, хотя они и носили теперь форму австралийского солдата, которая, казалась бы, всех невелировала, они не могли стать австралийцами за одну ночь. Процесс превращения в АНЗАКов был долгим и трудным, и чести носить звание «mate» они получали далеко не сразу. Первым камнем преткновения был английский язык, который россиянам приходилось учить уже на ходу, в окопах от своих сослуживцев. Настоящее боевое братство с австралийцами ковалось в сражениях и первым опытом на этом пути стала Галлиполийская операция.

В ней участвовало около ста пятидесяти россиян. Знаменитая картина фронтового художника Элиса Силаса «Поверка» написана после кровопролитных боев 9 мая. Одно за другим звучат имена, а в ответ – тишина. Прототипом командира, проводящего переключку, был белгородец Лазарь Марголин, командир 16-го западноавстралийского батальона, о котором Зеев Жаботинский писал: «у себя в батальоне [он был] и царь, и отец, и брат для своих boys». И надо сказать, что не смотря на его русский акцент, солдаты любили его как родного отца и называли «Старина Марджи».

6. Элис Силас – «Поверка»

Говоря о художниках, можно отметить, что официальный художник Австралийской армии Джордж Ламберт, был уроженцем России, хотя и не русским подданным. Среди российских АНЗАКов в составе 17-го батальона на Галлиполи был Вильям Деонк, моряк из Лиды в Беларуси, подлинную фамилию которого восстановить пока не удалось. Представляя его к высокой награде – Военной медали, дававшейся за исключительное мужество, - его командир, лейтенант-полковник Е.Т.Мартин, писал: «В качестве гранатометчика на Квин Пост, где обстрел был исключительно интенсивным, Вильям Деонк проявил себя надежным, горячим и энергичным бойцом. Нельзя переоценить влияние его поведения на его товарищей – он никогда не унывал, как ни тяжела была обстановка». Это была удивительная характеристика, особенно в отношении иностранца, для которых командование редко находило хвалебные слова. Камнем преткновения было, конечно, непонимание ими команд на английском языке. «А как же его английский? – спросила я Дороти, зачитав ей этот документ. – Ведь он едва знал его». «Это его не беспокоило. Он говорил на ломаном английском, но он мог общаться с кем угодно, такая уж у него была натура».

Одним из аспектов моего исследования была попытка проследить как россияне вписывались в легендарное боевое братство австралийских АНЗАКов. В центре моего внимания были не только герои, но и те, чья служба сложилась трагически – отказавшиеся воевать, отчисленные из армии, попавшие под подозрение как «шпионы», покончившие с собой, осужденные военно-полевыми судами, - и таких было немало. Среди них – история Альфреда Марковича, культурного образованного поляка. Он вступил в армию в первые дни войны и участвовал в высадке в Галлиполи. В хаосе первых дней после высадки, его знание языков, мужество и инициатива помогли предотвратить захват их позиций противником. Но вместо награды, его через несколько дней арестовали и отправили в под конвоем в Австралию, где службы безопасности подвергли его допросам. «Улики» против него были смехотворны. Например, в его деле имеется донос такого характера: «Хотя Маркович якобы не жил во Франции, а учил французский язык в школе, знать язык так, как знает он, можно только живя в Париже, а поскольку он прожил шесть лет в Австралии, на это надо обратить внимание». Хотя против него ничего не нашли, Маркович был уволен с формулировкой «Дисциплинарные причины». В его деле после этих слов стоит приписка карандашом: «Не преступление. Сомнительное имя». Эта история легла темным пятном на судьбу Марковича. Когда, после войны, будучи членом Лиги ветеранов, он боролся за права фронтовиков и разоблачал злоупотребления военных бюрократов, военные опять вытащили на свет историю его увольнения из армии. В 1935-м году он покончил с собой.

Не менее трагичной была история Петра Чирвина с Сахалина, награжденного Военной медалью за героизм на Западном фронте, где он, рискуя своей жизнью, выносил раненых с поля боя. В Австралию он вернулся вместе в австралийскими войсками апреле 1919-го года, как раз когда русские в Брисбене устроили демонстрацию под красными флагами, требуя отмены наложенных на них ограничений и разрешения на возвращение на родину. За этим последовал погром, учиненный австралийскими фронтовиками в русских кварталах Брисбена, а надо сказать, что как раз здесь, на Южном берегу Брисбена, сложился настоящий русско-еврейский поселок с гостиницами-пансионами, клубами, магазинами, сапожниками, портными, игорными домами. В центре погрома оказался дом Степановых, сын которых тоже был АНЗАКом и воевал на Западном фронте. Эти события вошли в историю Австралии как «Бунт красного флага». Когда новости о Брисбенских событиях дошли на солдат, прибывших в Австралию на корабле с Чирвиным, простые австралийские парни связали в одно

целое выход России из войны, большевизм и единственного известного им русского... Они и довели Чирвина до самоубийства. Официальное следствие не нашло виновных. Его мать на Сахалине долго пыталась выяснить – почему погиб ее сын, но все, что она получила от австралийского армейского начальства была Военная медаль ее сына.

Эти непростые судьбы – тоже часть многомерной австралийской военной истории. К чести австралийцев, надо сказать что имена всех АНЗАКов, павших в боях, увековечены на стенах Австралийского военного мемориала. Среди них и 160 наших земляков, или каждый пятый из тех, кто служил на передовой.

Важным источником для исследования судеб АНЗАКов послужили интервью с их детьми и внуками. На начальном этапе работы в поисках их я разослала сотни писем во все концы Австралии. В этом случае речь шла не столько о поиске «фактов», сколько об исследовании популярной памяти. Например, многие потомки наших АНЗАКов были убеждены, что причиной эмиграции их предков из России было стремление избежать службы в русской армии, которая до сих пор предстает неким жупелом в массовом сознании австралийцев. Или, например, они предполагают, что их предки бежали из России от большевиков, хотя выехали они из страны задолго до Революции. Такие представления говорят нам о том, каково было жить им в Австралии, будучи уроженцами большевистской России, вызывавшей ужас у рядовых австралийцев. Многие из наших АНЗАКов выбрали единственно возможный путь – молчание. Они не хотели рассказывать своим детям не только о войне, но и о своем прошлом в России. Дети многих из них часто не подозревали, что их «русский» дед был, например, осетином или белорусом. Они не сохраняли свою этническую культуру в современном смысле этого слова, они не учили своих детей идишу, русскому или латышскому языку. Многие из них были равнодушны к религии, они не объединялись вокруг церквей, как это происходило с иммигрантами последующих волн. Они не построили русский или эстонский храм в Австралии. Но общаясь с их детьми и внуками я поняла, что они строили храм в душах людей, и это оказалось не менее важным. Окружающие их люди открывали благодаря общению с ними простые истины – что можно быть АНЗАКом, и в то же время говорить с акцентом, или, что не все русские – красные и большевики. Да, российским АНЗАКом выпала удивительная миссия. Именно они стали теми кирпичиками, на которых в 1960-х годах стало подниматься здание современного австралийского мультикультурализма. Их помнят и чтут до сих пор. А что до утраченного языка и культуры, то сейчас как раз среди внуков наших АНЗАКов появился большой интерес к воссоединению со своими истоками, некоторые из них учат русский язык и несколько семей я воссоединила с их русскими родственниками, связь с которыми прервалась почти столетие назад.

Одна из таких историй – воссоединение семьи Егоровых. Александр Егоров покинул свое родное село Бестужево на Рязанщине 1909-м году, и, в поисках лучшей жизни, через Сибирь добрался до Австралии и вступил в армию. Он рассказывал своим родным, что «ему приходилось спать снаружи, а не в окопе, потому что австралийские солдаты говорили ему, что в самом окопе для него нет места. Он заворачивался в одеяла и спал снаружи. Шел снег и руки у него были совсем заоченевшие, когда он просыпался». Его внучка Барбара, рассказав эту историю, тактично уточняет: «Может быть, это было потому, что он был русским, но точно мы этого не знаем». Действительно, он никогда не говорил своим детям о причинах этого, наверно потому, что он, сам дважды раненый на Западном фронте, простил это своим товарищам. В 1930-х годах, когда он уже жил в Пламптоне, под Сиднеем, и с утра до вечера работал на своем участке земли – на его плечах лежала забота о десяти детях – у него был особый день раз в году, День АНЗАКа. Тогда он доставал свой лучший костюм и отправлялся в Сидней на встречу ветеранов своего 17-го батальона. К нему подходили

солдаты, которых он когда-то вынес с поля боя как санитар, они узнавали его, хотя он сам часто не мог припомнить их лиц. И они пили вместе. А формальные слова прощения были ни к чему. К 1930-м годам Александр перестал переписываться со своими родственниками в России, чтобы не навредить им, и почти забыл русский язык. Большой кожаный портфель с русскими фотографиями и письмами исчез после его смерти. Когда я познакомилась с его детьми, они не знали даже, что их фамилия по-русски произносится не Игороф, а Егоров, но так сильна была их мечта узнать о своих русских корнях, что я взялась за поиски их родственников, оставшихся в России, и вот уже через несколько месяцев по цепочке добрых людей наше письмо добралось из Бестужево до Москвы, и Андрей, внук брата АНЗАКа Александра, писал: «Я готов опять, как в детстве, поверить в новогодние чудеса – 12 декабря родственники из Бестужево приехали к нам в Москву с Вашим письмом. Мой дедушка Иван Алексеевич Егоров... долгие годы безуспешно искал своих братьев Александра и Гавриила».

Год спустя русские Егоровы приехали в Австралию, чтобы познакомиться со своими австралийскими родными, которых было уже около 150 человек. Они устроили «семейный сбор» всех ветвей семьи в роскошном поместье в Голубых горах, в доме одной из внучек Александра. После австралийского барбекю (с бараниной и креветками) на огромном экране плазменного телевизора мы смотрели видео, снятое Андреем в Бестужево – проселки, старая крестьянская изба, полуразрушенная церковь, заброшенное кладбище... Переводя комментарии Андрея, я вглядывалась в лица австралийских Егоровых – поймут ли они все это? И на моих глазах происходило чудо – два мира сливались в один, они открывали русские истоки, которые до поры до времени дремали в их душах и которые, как оказалось, были им нужны. А через год Барбара и ее семья отправились в Россию – на поиски своей русской души. А в Австралии память о русском АНЗАКе они увековечили в мемориальном сквере, разбитом на месте их прежней фермы.

Рис. 7 Семья Егоровых

Исследование истории российских анзаков продолжается и после выхода книги. Для этого создан постоянно обновляющийся сайт <http://russiananzacs.elena.id.au/>, где размещены биографические и служебные сведения о каждом анзаке со ссылками на оцифрованные архивные документы, большинство которых доступны в интернете. Благодаря вебсайту внуки, а теперь уже и правнуки, прикасаются к непростой судьбе своих героических предков.